

Псевдоним – «Сергей Кань»

ЯРОСЛАВЛЬ И ЯРОСЛАВЦЫ

Сегодня исполняется 100 лет влиятельной дореволюционной ярославской газете «Голос». Но для моей собеседницы это сугубо личная дата. Татьяна Борисовна Середнёва издала книжку. В отличие от других книг, которые выходят, тираж у неё уникальный – один экземпляр. В остальном книга как книга: добротная, со вкусом сделанная обложка, хорошая бумага, чёткий шрифт, прекрасного качества фотографии, в том числе цветные.

В книге собрано всё, что ей удалось узнать о своём дедушке Сергее Степановиче Каныгине. Он доживал свой век в семье дочери художника восьмидесятилетним старичком. Умер в 1961 году, и мало кто даже из близких вспомнил тогда, что до революции он был одним из самых известных журналистов в городе, сотрудником, а потом ответственным редактором газеты «Голос».

У Сергея Степановича было шесть детей и девять внуков, но близко, «в родню» он допускал не всех. Татьяне Борисовне посчастливилось стать любимой внучкой. Несколько лет она со своей мамой регулярно навещала деда в маленьком деревянном домике недалеко от перекрёстка Московского проспекта и Большой Фёдоровской. Она тоже очень любила дедушку, и когда недавно, пересматривая теперь уже со своей внучкой старые фотографии, увидела, что та проявляет неподдельный интерес к прошлому их семьи, решила, что нужно записать всё, что знает. Дальше – больше. Обратилась к родственникам, в библиотеку, в архив, в музей. А потом собрала в одну книжку всё, что знала и разыскала.

В книге сведения о родителях Сергея Степановича Каныгина, его автобиография, рассказы о быте семьи и домашних праздниках, заметки о друзьях, статьи ярославских исследователей-краеведов о печати тех лет, о Закоторосльном районе, где прошла большая часть его жизни. Здесь же краткие сведения о детях, семейные фотографии.

Значительную часть книги занимают тексты публикаций Сергея Каныгина. Его называли краеведом-бытописцем. Вот отрывок, который даёт представление о том, как и о чём он писал.

«Люблю я наш Ярославль. Хороший город. И обыватели, дай им, Господи, всяких благ и приятных снов – хороший народ. Даже замечательный народ. Хоть враги наши и говорят, что Ярославль – сонное царство, ярославцы плуты и т. п., но я так полагаю: из зависти всё можно сказать».

Что ярославца каждый узнаёт, не заглядывая в паспорт, я против этого спорить не буду. Действительно, ярославцы сильно ударяют на «о» (как семинаристы). Слово «говорят» заменяют словом «воротят», «пообедаем» – «победам» и т. п.

Потом ярославцы ни шагу не ступят без приметы: каша из горшка вылезет – к покойнику; ежели чёрные тараканы завелись – к богатству, а вон поползли – не к добру... А как вообще живём мы в Ярославле, дай Бог каждому так жить. Тихо, скромно, по-Божьему, можно сказать. По субботам в баню ходим, а в среду и пятницу молока не вкушаем... Любим на досуге газетку почитать, но предпочитаем читать разные предшества и особливо, где смертоубийства описываются, и ещё когда кого-нибудь «продёрнут». Газета тогда носится из дома в дом...»

Рассказы Каныгина очень нравились Максиму Богдановичу, сотрудничавшему в «Голосе». Как писал потом Сергей Степанович, тот говорил ему: «Бросьте газету, она изматает вас, а в беллетристике найдёте славу». Но Каныгин, по его сло-

вам, «сильно прилепился к «Голосу». Тот требовал материала много. Я искал его всюду: в казённых учреждениях, в камерах городских судов, в Окружном суде, в Городской Думе, в убежище для алкоголиков». Часто это были материалы из быта босяков – людей «дна», «несчастливого голодного и холодного люда», из жизни человека из мещанства.

Государство было отнюдь не ласково. «На днях в выездной сессии ярославского Окружного суда слушалось дело о стражнике, обвинявшемся в покушении на ограбление мелкого торговца под городом Петровском. Суд приговорил его на шесть лет каторги». Каторги!

Чиновник лютовал всюду. Каныгин глубоко сочувствовал обычному маленькому человеку. «Боязнь обывателя присутственных и т. п. мест прямо поразительна, и пойти туда его может заставить уж крайняя необходимость. При всей своей скупости обыватель с радостью готов заплатить «трёшницу», «пятерку» какому-ни-



будь «облакату» или другому «доке», чтобы только избежать путешествия от стола не имеющего чина к столу коллежского регистратора и от стола коллежского регистратора к столу губернского секретаря и т. д. Чтобы предстать пред очей какой-нибудь большой кокарды, обыватель прежде отслужит молебен, затем всё время проминает царя Давида и всю кротость его. Если большая кокарда «фыркнет» себе под нос, то обыватель этому не удивится, но чрезвычайно дивится, когда к нему большое чиновное лицо отнесётся внимательно и ласково. Имя такого лица обыватель благословляет и завещает это делать всем своим чадам и домочадцам в роды родов».

Впрочем, в жизни круг общения Каныгина был достаточно широк и выходил далеко за пределы круга его героев. Кроме Максима Богдановича, Петра Андреевича Критского и других сослуживцев, журналистов и литераторов, он поддерживал близкое знакомство с уважаемыми в городе служителями церкви. По праздникам гостем Каныгина бывал Василий Николаевич Зиновьев (о. Василий) – регент архиерейского хора, композитор, законоучитель, священник церкви Святой Троицы на Подгорной улице. Сам Сергей Степано-

вич, кстати, был старостой этой церкви. Тесные приятельские отношения связывали Каныгина с известным в Ярославле купцом Михаилом Николаевичем Градусовым – в семье сохранилась его фотография 1915 года с надписью: «Дорогому другу Серёже на добрую и долгую память от любящего друга М. Градусова».

Но больше всего времени отдавалось, конечно, газете. Издателем «Голоса» стали Константин Фёдорович Некрасов, племянник поэта, и бывший сотрудник «Северного края» Ни-

после редко подписывался полной фамилией, чаще – «Сергей Кань», «СК», «Журналист» и другими.

Татьяна Борисовна каждую неделю навещала его со своей мамой и запомнила дедушку всегда за работой. Жил он с женой и дочерью в маленьком домике за Которослью, в бывшей мелочной лавке, пятнадцатиметровое помещение которой было превращено в жилую комнату, а четырёхметровый склад при ней без окон и дверей – во вторую.

– Чаще всего дедушка сидел на диване, недалеко от окна, за большим обеденным столом. Перед ним стеклянная чернильница, довольно красивая, справа – стопка чистой писчей бумаги, а слева солонка с солью, сахарница с мелко наколотым сахаром и тарелочка с ломтиками чёрного хлеба – это обязательный атрибут. Временами, прочитав написанное, дедушка макал в соль хлеб и ел. Зимой, бывало, на плечи накидывал фуфайку, стоя у угла стола, перечитывал текст, перекладывая лист за листом.

Верной спутницей его была бабушка Прасковья Константиновна Андреева, на которой он женился в 1911 году. Они вырастили шестерых детей: сын Алексей пропал во время войны без вести, остальные работали на моторном, табачной фабрике, «Красном маяке». Младший сын Фёдор по набору уехал в начале 1950-х годов в неизвестное место, о котором сообщил для переписки только номер почтового ящика. Много лет спустя выяснилось, что это был знаменитый Курчатовский центр в городе Сарове Горьковской области, где Фёдор Сергеевич работал в лаборатории.

Книга «С. С. Каныгин «Мои сыны твои, Ярославль» (автор-составитель Т. Б. Середнёва) изданная в единственном экземпляре, – не просто подарок семье в память о дедушке. И не просто дань уважения своему родному городу. Хотя, конечно, и то и другое. Книга – материализованное воплощение известной истины: если сильно захотеть, можно сделать всё. Она родилась благодаря завидной энергии бывшего конструктора Татьяны Борисовны огромной помощи со стороны многих людей. Главный библиотекарь Центральной библиотеки имени Лермонтова Наталья Ивановна Фондо, загоревшись идеей издания, сверстала книгу, предварительно пять раз перепечатав текст и давая множество ценных советов. Реплёт сделала приятельница Светлана Васильевна Жижина с НИИМСК. В нужное время подключилась старшая внучка Лина, которая работает в предприятии «Печатный двор». Охотно шли навстречу сотрудники музея-заповедника, архивисты, родственники – все, кто Татьяна Борисовна увлекла своим поиском.

При том, что книжка вышла в единственном экземпляре, она, кстати, не останется в распоряжении только семьи. Диски с электронным вариантом издания Татьяна Борисовна передала Государственному архиву Ярославской области, библиотекам, музеям, своим помощникам и «Северному краю», тоже, за что ей большое спасибо.

Татьяна ЕГОРОВА

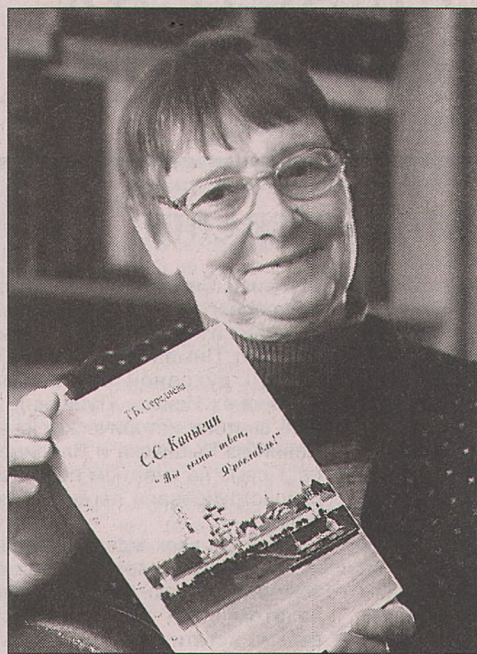


Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

колай Петрович Дружинин. Имена их, по словам Каныгина, сами «говорили за серьёзность и положительность издания». Редакция располагалась на улице Духовской (сейчас – Республиканская) в доме № 45, а типография – во дворе этого дома под № 47б. Оба здания сохранились, а красное кирпичное строение № 47б навевает ностальгические воспоминания у старшего поколения ярославской журналистики до сих пор – в нём вплоть до 1980-х годов печатался «Северный рабочий».

В феврале 1916 года Константин Фёдорович Некрасов сосредоточился на книгоиздательстве, а «Голос» передал сотрудникам редакции. Вскоре Сергей Степанович Каныгин стал ответственным редактором. Место было отнюдь не «тёплым»: за журналистами редакция велась негласная слежка со стороны охранного отделения, за слишком смелые публикации штрафовали, в том числе Каныгина.

«Голос» просуществовал до 1918 года. После революции Сергей Степанович активно сотрудничал в «Северном рабочем». Его зарисовки (фельетоны, как тогда говорили) «В загсе», «Попался», «Пропечатали» и другие посвящены уже новому быту. Чтобы прокормить семью, он собирает материал на заводах и фабриках, в холерных бараках, много ездит по области. Публикует исторические очерки – «Медвежий угол», «Подзеленье», «Толчковая слобода» и другие.

Шли годы. Став инвалидом, он продолжал много работать: написал больше сорока биографических очерков о деятелях ярославской печати. А главным своим трудом считал «Материалы о Ростово-Суздальской земле с её древними городами». И до революции, и